

ГЛАВА 5

Три дня спустя Юйвэнь Му и Дунфан Чэньцзюнь покинули Долину Забвения Забот, этот затерянный среди облаков рай.

В ту последнюю ночь Юйвэнь Му подошёл к моей комнате. Я не отозвался, и тогда он, стоя за дверью, заговорил. Рассказывал долго, открывая мне всё то, о чём прежде молчал.

Он родился в Восточной Мин, в семье потомственных учёных. Его предки занимали высокие посты, но со временем, устав от придворных интриг, оставили службу и вернулись в родные края, к югу от Янцзы, где их род по-прежнему почитали и уважали. В восемь лет его разбил странный недуг. Семья созывала лучших лекарей со всей страны, но болезнь не отступала. Когда надежда почти угасла, на пороге появился бродячий врачеватель. Он пообещал исцелить мальчика, но с одним условием: тот станет его учеником. Родным ничего не оставалось, кроме как согласиться — они хватались за любую соломинку.

Лекарь сдержал слово, а после забрал ученика в Долину Забвения Забот, где обучал его наукам и боевым искусствам. Лишь много позже Юйвэнь Му узнал, что его наставник был Государственным наставником Восточной Мин. Старик странствовал по свету в поисках преемника и, встретив в Цзяннани способного ребёнка с чистым лицом и ясным умом, решил передать ему свои знания. Пять лет Юйвэнь Му учился в долине, а в тринадцать последовал за учителем во дворец. Ещё через три года он стал наставником Девятого принца, Дунфан Чэньцзюня.

Прошло десять лет, и старый мастер скончался. Согласно его последней воле, Юйвэнь Му оставил пост, покинул дворец и отправился на поиски того, кто сможет занять его место.

И этим человеком стал я.

«Когда я впервые увидел тебя, — донёсся из-за двери его мягкий голос, — я не мог понять: почему в глазах столь маленького ребёнка затаилась такая беспросветная ненависть? Раненый, затерянный в лесной глуши, ты не плакал, не звал на помощь. Ты просто полз вперёд, в кровь сдирая ладони о камни. Я видел, как ты страдаешь, и не смог остаться в стороне.

Я проверил твои меридианы, когда принёс тебя в хижину. Болезнь, перенесённая в детстве, повредила твои каналы, а недавние раны лишь усугубили дело. Ты пропустил лучшее время для начала пути воина. Поэтому я убедил Цинь Хао доверить тебя мне. Я обещал, что помогу тебе восстановить справедливость.

Статус Государственного наставника Восточной Мин — это положение, в котором ты будешь выше тысяч и ниже лишь одного. Этой власти хватит, чтобы отомстить за род Оуян. Но я не хочу, чтобы жажда мести выжгла твою душу и заставила страдать невинных. И меньше всего я хочу, чтобы, свершив задуманное, ты потерял смысл жизни. Я буду рядом, Фэн-эр. Всегда. Пойдём со мной в Восточную Мин. Мы с Девятым принцем сделаем всё, чтобы вернуть доброе имя генералу Оуяну. Поверь мне... Поверь лишь в этот раз».

Я слушал его молча, не проронив ни слова. Я знал: пришло время прощаться. Он жалел меня, несчастного ребёнка, и, прослышав о талантах юного господина Сянфэна, решил сделать из меня своего последователя. В конечном счёте он хотел использовать мою ненависть к Небесной династии, чтобы помочь Восточной Мин в деле объединения земель.

Появиться в миг, когда я больше всего нуждался в тепле, и дать мне всё необходимое... Будь я десятилетним Оуян Сянфэном, я бы наверняка стал идеальным инструментом в его руках. Но ты просчитался, Юйвэнь Му. Ты и представить не мог, что перед тобой лишь скитающаяся в пустоте пространства и времени душа. Моя ненависть — это не только боль Сянфэна. А месть императору — лишь отправная точка в моём истинном замысле.

Тот, кто вершит великие дела, не должен размениваться на мелочи. Могу ли я предать свои принципы ради призрачных уз наставника и ученика?

Я открыл дверь. Под сиянием бескрайнего звёздного неба он казался бледным и почти прозрачным. Сделав шаг навстречу, я поднял голову и искренне улыбнулся. Пусть у него были свои цели, доброта его была настоящей. Его мягкость, спокойствие, забота — во всём этом не было лжи. Он был слишком хорошим человеком, настолько, что я не заслуживал его тепла.

— Я сам свершу свою месть.

Цинь Хао перед уходом сказал, что он лишь отдаёт долг, а месть — это моё личное дело. Этот немногословный бродяга зрил в самый корень. Если хочешь чего-то добиться, делай это сам — так ты не окажешься ни у кого в долгу. Мне нужно было скорее повзреть.

Услышав мой ответ, он словно надломился. Лицо его осунулось. Я не стал больше ничего говорить и, не пытаясь угадать его мысли, вернулся в комнату. В ту ночь я спал на удивление крепко.

Я думал, они уедут на рассвете, но Юйвэнь Му суеился всё утро, стараясь объяснить мне каждую мелочь. Где сажать овощи, как собирать целебные травы. Рассказывал, что раз в месяц крестьянин из деревни будет привозить бумагу, тушь и зерно. Показывал, где лежат деньги и как разводиться огонь в очаге... Даже то, что я давно знал, он повторял снова и снова. В конце концов он потащил меня на прогулку по долине, указывая на каждый знакомый мне уголок: здесь растут лекарства, там — ядовитые змеи, тут — чистая вода, а в той чаще рыщут дикие звери.

Так прошёл день. На следующее утро он снова принялся за свои наставления, затащил меня в кабинет и полдня читал нотации. Даже показал секретные механизмы, с которыми я уже давно втайне переиграл. Весь второй день я провёл под гнётом его бесконечной заботы. На третье утро он снова открыл рот, чтобы что-то посоветовать, но мой «старший брат» наконец потерял терпение и силой увёл его прочь.

— Фэн-эр, береги себя. Не изнуряй тело сверх меры. Вот знак Государственного наставника Восточной Мин. Если решишь покинуть долину, найди меня в Шэнцзине, в моей усадьбе. Через

год я вернусь за тобой.

Когда он шептал мне эти слова на прощание, его тёмные глаза блестели так, будто он вот-вот расплачется. В них не было слёз, лишь тихая, бескрайняя печаль.

Так я проводил его. Без детских истерик, без долгих прощаний, присущих взрослым. Я просто стоял у хижины и махал рукой, глядя, как две фигуры — чёрная и белая — становятся всё меньше, пока окончательно не скрылись за поворотом горной тропы.

Я вернулся в дом и вдруг осознал, насколько же он велик. Раньше я часто оставался один, но никогда не чувствовал такой пустоты. Прежде я знал: до наступления темноты он обязательно вернётся.

Теперь он не придёт. И мне остаётся лишь в одиночестве ждать исполнения этого далёкого годового обещания.

В тайниках кабинета хранилось столько ценностей, что их хватило бы нескольким семьям на безбедную жизнь до конца дней. В аптечной лавке выбор трав поражал воображение: от средств против простуды до редчайших снежных лотосов и ядовитых скорпионов. Глядя на всё, что он подготовил для меня перед уходом, я ощутил странную смесь благодарности и бессилия. Его доброта, его ворчание, его мудрость и улыбка... В одно мгновение всё это захлестнуло меня, заполняя дом его призрачной аурой.

Я опустился на колени посреди пустой комнаты и зарыдал. Я думал, мои слёзы давно высохли. Тогда, под проливным дождём в день Цинмина, Юйвэнь Му стёр мою последнюю слезу. А теперь я плакал из-за него — не от жгучей ненависти, как тогда, а от щемящей боли, что не смог его удержать.

Оказывается, в слезах, кроме горечи, может быть и что-то иное.

Дни потянулись своим чередом.

Утренняя тренировка, завтрак. Днём — книги и каллиграфия, по вечерам — игра на цитре, чтобы развеять скуку.

Жизнь в одиночестве имела свои прелести: никто не читал нотаций, никто не вздыхал, глядя на тебя, никто не запрещал делать то или это... Мои будни стали прозрачны, как вода, и легки, словно облака.

Каждый месяц, когда крестьянин привозил припасы, он передавал мне толстое письмо, исписанное изящным почерком Юйвэнь Му. Он писал, что у него всё хорошо, что он скучает и

ждёт меня в столице. А дальше шли бесконечные наставления: какие овощи пора сажать, у каких трав проклюнулись почки, не забываю ли я есть трижды в день и сменил ли одеяло на более тёплое с приходом холодов...

Пустяки занимали больше всего места на бумаге, но всякий раз, читая эти простые строки, я чувствовал на сердце горько-сладкую нежность.

Крестьянин каждый раз спрашивал, не хочу ли я отправить ответ. Человек, привозивший письма, ждал ответа в надежде получить хотя бы весточку.

Но я ни разу не ответил. Если ты действительно хочешь поговорить со мной — вернись и слушай сам. Если скучаешь и волнуешься — приди и скажи это в лицо.

Я не писал ему и не передавал слов через других. Я должен был отучить себя от зависимости. Мне нужно было готовиться к «великому делу».

Дни напролёт я проводил в аптекарской комнате. Трав здесь было невообразимо много — от драгоценных до смертельно ядовитых. Я готовил пилюли на все случаи жизни. Обычные средства от жара я не трогал — такие можно купить в любой лавке, хотя одну большую склянку жаропонижающего всё же сделал, на всякий случай. Основной упор я сделал на снадобья от ран — внешних и внутренних, а затем перешёл к ядам и противоядиям. В пути мне понадобится защита. На боевые искусства надежды было мало: как и говорил Юйвэнь Му, они годились для укрепления здоровья, но победить серьёзного врага я бы не смог. А значит, нужно было искать иные способы самообороны. Яды стали идеальным решением. В склянках я хранил лишь самые сильные яды, а большую часть приготовил в виде порошков — тех, что вызывают паралич или лишают противника внутренней силы.

Затем я занялся скрытым оружием. Я закрепил десятки тончайших серебряных игл на полосках ткани и сделал из них наручи. Стоило натянуть потайную нить, и игла вылетала. Мне потребовалось много времени, чтобы научиться попадать в цель, не калеча собственное запястье. Механизм позволял выпускать лишь одну иглу за раз, а дальность полета не превышала десяти метров, поэтому мне пришлось смазать каждую иглу ядом. Иначе их убойная сила была бы ничтожной. На левом запястье яд был парализующим, а на правом — смертельным.

Вскоре я понял, что создание сложных механизмов — не мой конек, и сосредоточился на ядах. Юйвэнь Му был мастером фармакологии, и книг по этой теме в библиотеке хватало. И хотя он учил меня лишь исцелению, я сам отыскал в пыльном углу два трактата по ядам и втайне их изучил.

Но самая важная работа началась сразу после его отъезда. Она требовала времени — от полугода до года. Чтобы не погибнуть от собственной неосторожности, я должен был стать неуязвимым для любого яда.

Каждый вечер я по часу проводил в ванне с отваром трав, меняя рецепт каждый месяц. Кроме

того, ежедневно я принимал особые пилюли. Всё это было описано в тех двух трактатах. К счастью, в аптечной лавке нашлось всё необходимое, иначе я бы не знал, где искать столь редкие компоненты.

Когда я лежал в ванне, тело пронзала невыносимая боль. Я закусывал кусок мягкого дерева, чтобы не вскрикнуть. Самое опасное было — иметь даже крохотную царапину: если бы отвар попал в кровь напрямую, я бы мгновенно погиб. Весь год я был предельно осторожен. Если же кожа всё-таки повреждалась, я утраивал дозу внутренних пилюль. В такие моменты страдания были ещё сильнее, чем в ванне, но я вспоминал ненависть из прошлой жизни и терпел.

Со временем я привык к боли. Когда последний рецепт был исполнен, а меридианы на запястьях приобрели тёмно-фиолетовый оттенок, я понял, что преуспел.

Теперь я был не только неуязвим для ядов, но и сама моя кровь стала смертоносной. Опыты на кроликах и птицах показали: простое попадание крови на кожу безвредно. Но стоит ей коснуться открытой раны или слизистой — глаз, ушей, рта, — как наступает отравление. Человек мучается семь дней в страшных болях, после чего умирает от внутреннего кровотечения. И самое ироничное — яд был частью меня, и лишь другое вещество моего же тела могло послужить ему противоядием.

Зима ушла, пришла весна. Миновало лето, догорела осень.

Срок годового обещания истёк, но он не вернулся.

Я не чувствовал печали. Сразу после его отъезда я бросил жребий и уже тогда знал, чем всё закончится.

Я потратил восемь месяцев, чтобы закалить своё тело, подготовил запас лекарств и скрытого оружия, прочёл все книги в библиотеке.

Я мог уйти ещё тогда, но остался, чтобы честно дождаться конца года.

В глубине души я молил небо, чтобы моё гадание оказалось ошибочным. Я считал каждый день с момента его ухода.

Сегодня триста шестьдесят пятый день. Его нет.

И я снова бросил жребий.

На следующее утро я собрал вещи. Несколько смен одежды — новое всегда можно купить в дороге. Наручи с иглами на запястьях, мешочки с порошком в рукавах. Слянки с пилюлями в сумке, самые редкие ингредиенты превращены в порошок для экономии места. Деньги, конечно, я взял все: пачки ассигнаций Восточной Мин (за последние десятилетия там было

спокойно, они должны быть в ходу), золотые листья и драгоценные камни зашил в пояс — на случай, если бумага не пригодится. А целый сундук с золотом и украшениями я зарыл под старым гинкго у глубокого пруда. Если когда-нибудь прижмёт — вернусь.

Закончив сборы, я поджёг хижину. Я смотрел, как огонь медленно превращает её в пепел, пока не осталось ничего.

Это был мой дом. И дом Юйвэнь Му.

Дом должен ждать своего хозяина, быть готовым принять усталого путника.

Но этому дому больше не для кого существовать. Я сжёг его, сохранив лишь в глубине своей памяти.

Ведь мы, его хозяева — я и Юйвэнь Му, — никогда больше сюда не вернёмся.

<http://bllate.org/book/17477/1693023>